

Геннадий
Кузьминский

Тогда мы были
молодыми!

Геннадий Кузьминский
Тогда мы были молодыми!

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Кузьминский Г. А.

Тогда мы были молодыми! / Г. А. Кузьминский — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-322-8

Новая книга Геннадия Кузьминского «Тогда мы были молодыми!» – своеобразная энциклопедия советской жизни. Пообедать на пятьдесят копеек, пощеголять в брюках-клёш, довести свой образ до совершенства Тройным одеколоном, погонять на мотоцикле, хорошо провести время в весёлой компании за кружкой пива, послушать редкие пластинки, слетать в город за покупками из деревни на «кукурузнике», завести роман в стройотряде – подобный опыт знаком многим жившим в СССР. В книге подробно рассказывается о том, как одевались, чем питались, на чём передвигались, где учились и как работали советские люди. Конечно, не обошлось и без авторской интерпретации некоторых событий. Автор не претендует на точную историческую достоверность. Это его личное восприятие прошедшего и настоящего, его субъективное понимание и оценка событий и фактов, случившихся в его жизни. С авторской позицией можно согласиться или не согласиться, но главная идея книги, ее задача – показать, что молодость – это всегда прекрасно, если ты живешь в стране, которую любишь.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-322-8

© Кузьминский Г. А., 2017

© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Тогда мы были молодыми!	7
Как мы жили в СССР	7
Как мы питались	10
Как мы одевались	35
Как мы прихорашивались	41
На чём мы катались и передвигались	50
Автомобили	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Геннадий Кузьминский

Тогда мы были молодыми!

Фотографии взяты из личного архива автора и из открытых источников

© Кузьминский Г.А., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

Тогда мы были молодыми!

Как мы жили в СССР

Середина двадцатого века для жителей средней полосы России, где расположилась и моя Малая Родина – деревня Семёново, мне казалась счастливым периодом жизни населения страны. И сейчас, во втором десятилетии XXI века, то время воспринимается с такой же приятной ностальгией. Деревня моя находится в 55 километрах от старинного города Углича, что в Ярославской области, в 30-ти труднопроходимых километрах от города Калязина, что в Тверской области и в семи километрах от села Заозерья, бывшего имения великого русского писателя и государственного деятеля Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, а раньше князей Волконских и Оболенских.

Вот она, деревня. Дома с огатами, белый снег, деревенский транспорт в праздничном убранстве, деревья под окнами домов, печные трубы над крышами.

Война закончилась. С фронта и из армии, кто дослуживал «недостающие» годы, возвращались мужики. Соскучившись по мирной жизни, они женились, обзаводились хозяйством, в семьях рождались дети. Вдовы потихонечку забывали и переставали оплакивать не вернувшихся с войны мужей, а матери сыновей. Фронт до этих мест не докатился, и разрухи, которая огненным валом прошла по оккупированным землям Советского Союза, здесь не было. Трудовая и иная повинность, тяготившая население в период войны, поэтапно отменялась. Репрессии перестали быть такими жестокими и беспощадными, как в предвоенные и военные годы, и можно сказать, прекратились. Народ перестал голодать и нищенствовать. Все, кто хотел и мог, имели возможность работать и зарабатывать средства к скромному, но безбедному существованию.

Семёново – самая широкая деревня на российских просторах. Летом это место превращалось в футбольное поле. Играли, никому не мешали, мяч до окон не долетал, и стёкла сохранялись целыми. Напротив этого луга жили братья Шаманины: Иван и Николай – они любили мяч погонять даже тогда, когда были уже совсем взрослыми, а также здесь был дом моего дяди – Крылова Бориса Павловича. За спиной брата дома Насти Вавиловой, Павла Камутина, Ильи Наумова и Ивана Осокина.

Несмотря на перемены в общественной жизни, бед и трудностей оставалось, как говорится, «хоть отбавляй». На самом деле это время было не таким уж радостным, как казалось нам, детям, ведь детство всегда счастливая пора и трудности своих взрослых родных дети не замечают и не понимают. Понимание приходит с годами. А в детстве что, если есть крыша над головой, кусок хлеба с солью, кружка молока, одежда по сезону, возможность проводить время со своими сверстниками, ходить в школу – значит, всё прекрасно.

Сейчас ведётся много разговоров и жарких споров о том, как мы жили в Советском Союзе, хорошо или плохо, лучше, чем в настоящее время, или хуже? Мнения спорящих кардинально расходятся. Каждый может привести в подкрепление своей позиции не один довод, как ссылаясь на собственный опыт, так и на мнение других, авторитетных и не очень авторитетных источников. У меня на этот счёт мнение своё собственное, как и у каждого из нас. То, о чём я хочу написать, я видел собственными глазами, слышал собственными ушами и испытал на своей шкуре. Хорошо, что этой шкуре испытания выпали не очень тяжкие, хотя и простыми их не назовёшь. Но то время, когда мы были молодыми, было, по-моему, хорошим. Жаль только, что много его, времени, пропало как бы зря. Лень – неотъемлемая черта молодости и никуда от этого не денешься.

А сейчас на дворе 2016 год. В стране кризис, война на Украине и в Сирии, сплошные санкции и провокации в отношении России по всему миру и по всему фронту. Народ недоволен чиновниками, взяточниками, коррупцией, дорогами, олигархами, развалом промышленности, сельского хозяйства, образования и науки, медицины, правоохранительной системы, безработицей, нищенскими пенсиями и пособиями, падением культурного, образовательного и нравственного уровня молодёжи, засилием иноземцев и иноверцев. Климат, и тот изменился не совсем понятно в какую сторону. На Новый год дождь, а летом то засуха, то искупаться в

воду ни разу не зайдёшь, холодно. А позапрошлым летом столько белых бабочек летало, что сравнение с зимней метелью кажется слабым. Откуда они взялись?

Значительная часть населения с трудом справляется с дороговизной продуктов и промышленных товаров, бензина и автомобилей, мебели и электронной техники, жилья и другой недвижимости, коммунальных и других услуг, постоянным ростом цен на всё это. На фоне сплошного беззакония граждане чувствуют себя совершенно не защищёнными от произвола сильного или чиновника, наделённого властными полномочиями. Народ обложили налогами и штрафами, всякими ограничениями, а порядка в стране нет. Расплодилось всякого рода мошенники и кидалы, государство от которых свой народ совершенно не защищает.

Наше прошлое и нашу тысячелетнюю историю всякие Сванидзе, Гозманы, Новодворские и им подобные настолько изгадили, что многие граждане совершенно не понимают, кто они такие, откуда взялись и куда идут? За что надо радоваться, чем гордиться, а за что каяться? Кто герой, а кто предатель? Кто враг народа, а кто благодетель? Чему учить детей, а от чего оберегать? Кто друг, а кто враг? Всё в головах перемешалось.

А с экранов телевизоров по всем каналам и программам, за исключением двух-трёх каналов, сериалы про гламурную жизнь русских красавиц, их успешных мужей и любовников, обязательно со сценами массовых убийств, насилия и разврата, разные шоу мелкого пошиба. Новости в основном про то, что сгорело, упало, обрушилось, утонуло, разбилось, украдено или пропало невероятным образом. А ещё про личные трагедии россиян, как их обманывают, калечат, уничтожают физически и морально. Как люди, доведённые до крайности, лишают жизни своих близких, детей и родителей, сами сводят счёты с жизнью. Вот сегодня: в Дагестане взорвали пост полиции, есть погибшие и раненые; в Ярославле обрушился дом от взрыва бытового газа, есть погибшие и раненые; из Доминиканы вернулась туристка, заражённая смертельным вирусом Зика; в Москве из окна выпрыгнула молодая мама со своим четырёхмесячным ребёнком, сама погибла, ребёнок в реанимации; на Украине заблокировано более ста фур с российскими номерами; Греф спрогнозировал 15-летний застой; Сельхознадзор предупредил о заражении «кровавой болезнью» от бананов; города затопило февральским дождём, а завтра гололёд; женщину, застрелившую из автомата своего родственника, осудили на девять лет; в шахте на глубине более тысячи метров остаются заблокированными восемь горняков; в Москве столкнулся рейсовый автобус с фурой, водитель автобуса погиб; в Забайкалье сошёл с рельсов товарный поезд, о пострадавших не сообщается; с первого апреля повысятся цены на бензин, на Северо-Западе Москвы в квартире обнаружены два изуродованных трупа, мужчины и женщины, и так далее. Где позитивная информация? Нету.

В Советском Союзе было всё несколько иначе.

Как мы питались

Голодающих не было, сыты были все. Бомжей тоже не было, а в девяностых годах они повсеместно появились в огромных количествах. По помойкам люди не ходили и объедки в авоськи не собирали. А если кто-то и интересовался пищевыми отходами, так это нормальные люди. Например, муж моей тётки Натальи Павловны частенько ездил на велосипеде или на мотоцикле на скотобойню, где набирал мясных отходов, которыми кормил своих двух охотничьих собак. Он с женой и собаками жил в Угличе в собственном доме с участком, имел возможность содержать мелкую живность. И такой он был не один, собак многие держали. Другие забирали пищевые отходы от объектов общественного питания. В столовых, кафе и ресторанах, шашлычных, пельменных и чебуречных, в воинских частях, учебных заведениях на теплоходах и самолётах несъеденных продуктов набиралось много. Люди ими кормили домашний скот и птицу. Наиболее предприимчивые заранее приносили к таким объектам свою пустую тару, а потом забирали наполненную всякой всячиной.

Не забывало государство и о самых незащищённых слоях населения. Немошные старики и инвалиды помещались в дома престарелых. В округе я помню несколько таких заведений, находящихся в сельской местности, не в городах. Это Леонтьевское, Сольба, Епихарка. А в районных центрах дома престарелых были обязательно. Дети из многодетных семей и сироты помещались в детские дома. Рядом с нами детский дом был в Заозерье вплоть до 1967 года. Директором там был еврей, участник Великой Отечественной войны Беркимблит Зиновий Константинович, отличный, умный, добродушный, чернобородый мужик. В девятом классе он учил меня немецкому языку, который, как мне кажется, он знал в совершенстве. К тому времени с беспризорным детством было покончено и Заозерский детдом закрыли и перевели в Углич, объединив с местным. Здание этого детдома в настоящее время занимает Заозерская средняя школа.

Сельские жители в основном питались продуктами со своего подсобного хозяйства, а также из реки и из леса. У каждого сельского дома был большой земельный участок. Причём эти участки не имели топографически точных координат и кадастровых номеров. Придут, бывало, представители местной власти, отмеряют двухметровым циркулем длину и ширину участка, поставят деревянный колышек и уйдут. Пользуйся. Я не знаю земельного участка в моей деревне, который был бы меньше или равен тому, что отмеряли. Каждый, если хотел, мог прибавить в ту или другую сторону дополнительный кусочек, не за счёт соседа, конечно. На нашей усадьбе, например, стоял колхозный сарай, в котором хранилось колхозное сено, и к нашему участку была добавлена площадь сарая и площадь подъезда к сараю. А таких построек в деревне было полно – сараи, склады, амбары, риги.

Вдобавок ко всему, во многих деревнях были общие картофельники, покосы, капустники. В более южных областях страны общими были площади для посадки овощей и корнеплодов, сады и ягодники, пасеки. Если чего и не хватало порой, так это покосов. Скотины в некоторых домах было много, а зимы бывали ранние, суровые и долгие. Чтобы скотина не голодала, сена и овощей старались заготовить с запасом. Но и в этом случае о народе власти заботились, как могли. Предоставляли право в конце лета косить траву три дня и три ночи, кто где хочет и где может. Выкашивали каждый клочок земли подчистую, бурьяном, как теперь, округа не зарастала, про деревни я даже не говорю. Около домов животные и птицы «обрабатывали» газон ровно и чисто. Поэтому весной от сухой травы деревни не выгорали. На болоте, что на заднем плане, ни кустика.

Границы участков на усадьбах были, в основном, условными. Где стоит прясло, там всё ясно – это твоё, это моё. Межу, где ставить прясло, с соседом обязательно согласовывали. Споры, конечно, возникали из-за склочности кого-нибудь одного из соседей. Такие люди были везде и во все времена, которым вечно все мешают и всё вокруг не так, не по-ихнему. В таких случаях приходил бригадир с циркулем, отмерял каждому своё, и споры прекращались. Траву на усадьбе делили очень просто. Прежде, чем косить, тот, кто раньше начинал, проходил пешком по границе усадьбы, оставлял след в виде примятой травы, это и была граница. Из-за этих несчастных сантиметров друг друга не убивали, не калечили и по судам не ходили. Зачастую покосы и огороды по несколько штук огораживали одним пряслом, чтобы не городить лишнего, а внутри делили межой, как говорится, «на глаз».

Огороды были таких размеров, которые семья в состоянии обработать. Главным продуктом на огороде была картошка. Белая, красная, синеглазка. Её заготавливали сотнями килограмм и даже тоннами. Картошкой кормили домашнюю живность и ели сами. Очень вкусный продукт. Варили картошку исключительно в русской печке, естественно, «в мундире». Моя бабушка Анна Константиновна варила картошку в двух чугунах. В большом – мелкую, для куриц, коровы и прочей живности, а в маленьком – крупную, для себя.

Бывало, только достанет бабушка чугунок из печки, сольёт воду, поставит на шесток, чтобы пар от неё в трубу уходил, а мы с Витькой уже тут как тут. Выберем самую запёкшуюся, с румяной, чуть подгорелой кожурой, соскоблим угольки ножом, или не соскабливая, разломим, посыплем крупной солью и ещё горяченькую в рот. Вкуснотища.

А ещё мы любили кушать, и сейчас любим, холодную картошку. Совсем неважно из какого чугунка, из большого или из маленького. Почистим, порежем в глубокую алюминиевую или обливную тарелку, туда же покрошим солёных огурчиков из деревянной кадки, порежем несколько луковиц, сняв со связки, что висит над печкой, немного соли и заправим обильно пахучим подсолнечным маслом. Объединение! А если под водочку, то вообще язык проглотишь. Под водочку это теперь, а раньше под молоко от своей коровки.

В народе знали ещё массу блюд из картошки или с картошкой. Как говорится, и жарили и парили. Картошка давала гарантию народу от голодовки.

Ещё одним продуктом-гарантом была капуста. Её заготавливали тоже немало. Семёнковский капустник находился на берегу реки Работки, каждая семья имела там грядку или две. У нас в доме на зиму заготавливали две бочки квашеной капусты, большую и маленькую. Ели капусту в разном виде. Основное блюдо, конечно, щи. А мне нравилась она и в сыром виде. Я

помню, как брал косарь с шестка, тарелку металлическую и шёл на мост (ударение в предложении на букву «а»). Снимал с бочки покрывало в виде старого одеяла или старой «одежины», убирал камни, выполняющие роль гнёта, отрывал от капусты, если примёрзли, деревянные «донечки», так бабушка называла дощечки, закрывающие капусту, и начинал ковырять содержимое. Иногда вместо косаря применялся обыкновенный топор.

Эту самую капусту, мороженую, ёжиками, мы посыпали сахарным песком, поливали немного маслом и ели вместо лимонов, бананов, ананасов и прочих заморских деликатесов. Вкуснятина! Многие заготавливали капусту отдельно белую и зелёную, с яблоками и клюквой, хранили и в подпольях в кочанах. Овощи и фрукты деревенские жители не покупали, разве что апельсины на Новый год.

В городах недостатка в овощах тоже не было. С фруктами всё было сложнее – хранить не умели. Химикатами не обрабатывали, вот и не доживали они до весны. Многие горожане закупали овощи осенью и хранили в погребах, которые строили рядом с домами или оборудовали в гаражах. Но и в магазинах овощи были всегда: картошка по 10 копеек, капуста – по 7, свёкла – по 9, морковь – по 12, огурцы солёные – по 7 копеек за килограмм.

Деревенский люд много работал, поэтому на картошке и капусте жить было тяжело, требовалось мясо.

Скажу сразу – мясо в деревнях было и ели его ежедневно, возможно, не все, но большинство.

Курицы были в каждом доме, а весной появлялся выводок цыплят, а то и не один. Кроме куриц многие держали гусей и уток. В двух-трёх домах были индюки, красивые, как павлины, и злые, особенно злой индюк был у Ивана Шевякова, мы специально его дразнить ходили, любил он за нами побегать, а Марфа ругалась. В летние месяцы деревенские пруды были для водоплавающих птиц местом обитания. Они питались тем, что росло и жило в прудах, от этого все пруды были чистыми от водорослей и лягушек, а берега унавожены.

Корова и телёнок тоже были почти в каждом доме. На нашем конце деревни коровы не было у Степановых и Насти Ненилиной (настоящие фамилии у обоих – Цыплёнковы). Антонине Цыплёнковой (все её звали Тонька Степанова) с сыновьями Пашкой и Васькой корова была не нужна, так как она всю жизнь проработала на скотном дворе, и ей хватало колхозных коров, да и молока, наверное, тоже, хотя в те времена с этим было строго. Пашка, сколько я его помню, был пастухом. Настёнка жила одна, и держать корову ей было тяжело. Молоко брала у родственников и соседей. Держали люди в подсобных хозяйствах, кроме коров и телят, свиней, овец, кроликов, а вот коз в Семёнкове не любили, хотя они тоже были.

Вся эта живность и была тем мясом, которым народ питался круглый год. Всякие там щи, супы, похлёбки обязательно были с мясом. Летом рубили головы домашней птице и кроликам, а осенью забивали бычков, свиней, овец. На столах появлялись котлеты, сало, студень и прочие вкусности, и всё это из настоящего, чистого мяса. В магазинах, а их в колхозе было три (в Вякиреве, Путчине и Старове), покупали из мясных продуктов колбасу и тушёнку. Колбаса была не всегда, скорее из-за отсутствия холодильников, чем дефицита. За колбасой, кому очень хотелось или к празднику, ездили в города. Настоящая варёная колбаса стоила 2 рубля 20 копеек за килограмм, а ливерная – 46 копеек. Цыплята стоили 1 рубль 5 копеек. «Чайная» колбаса продавалась за 1.90, а «Докторская», считавшаяся очень хорошей, стоила 2 рубля 30 копеек.

Корову на селе всегда называли кормилицей. Таковой она была и на самом деле. У нас разводили коров ярославской породы. Они довольно крупные, давали хорошие надой молока, ежегодно приносили приплод, были неприхотливые и выдерживали наш переменчивый климат. Паслись на лугах, на полях в лесах и болотах.

Молоко по праву было одним из основных продуктов питания. Молоко пили вместо воды и чая, а также «ели» с хлебом, с булками и порогами, с преснухами и лепёшками, с пряниками и халвой и вообще со всем, что съедобно. Из молока делали простоквашу, называлась она в Семёнкове почему-то не только простоквашей, но и «стятухой», сейчас это кефир, наверное. Стятуха – это молоко, с которого «сняли» сметану. А если от стятухи отделить жидкость, которая называется сыворотка, то получится творог. Вот и выходит, что молоко кроме всего прочего даёт сливки, сметану, простоквашу, творог, сыворотку, а также сыр, брынзой назывался, и сливочное масло. Сыворотка – это такая жидкость желтоватого цвета, на вкус немного кисловатая, но приятная и очень хорошо жажду утоляет, особенно когда холоденькая. Но мне более всего нравились сливки, впрочем, как и моему любимому коту Рыжику. Очень вкусным было топлёное молоко из русской печки, особенно пенка, что образовывалась сверху.

Воду пили из колодцев. Они были как личные, так и общественные, на несколько домов. Личным колодцем, с большой натяжкой, мог считаться лишь тот колодец, что находился в огороде. Нам с братом надоело носить воду от соседского дома, и мы выкопали свой, на месте старого и когда-то давно заброшенного и обвалившегося. Воду в дома носили вёдрами, насосов не было. Воды в колодцах хватало и людям, и животным, и на полив. В городах вода на все нужды бралась из водопровода. Если в дом заведена, то из крана, а если нет, то из колонок, что стояли вдоль улиц и во дворах. В последние годы всё чаще раздаются голоса об истощении водных запасов. Вероятно это так, но раньше мы об этом не задумывались, питьевой воды хватало.

Молоко в городах продавали в бутылках, картонных пакетах и разливали из бочек. Всё молоко было натуральное и имело особенность прокисать. Литр молока из бочки стоил 20 копеек.

Пол-литровая треугольная упаковка (пирамидка) стоила 16 копеек.

Творог и сметану продавали на развес из алюминиевой тары, чаще всего из бидона. Этот 40-ка литровый бидон так и назывался – молочный. Очень удобная посуда для приготовления браги. Творог заворачивали в лощёную бумагу, что не очень намочала, а сметану в стеклянную банку, которую покупатели приносили с собой. Были эти продукты и фасованные, но народ любил на развес, считал, что это вкуснее, потому что натуральные, без «химии» и дешевле.

Молочные продукты продавались в специализированных магазинах «Молоко». Оно разливалось в бутылки объёмом один литр и пол-литра, с широким горлышком. Закрывалась такая бутылка крышкой из алюминиевой фольги. Открывать её было очень удобно, нажал пальцем сверху, и готово. Эти крышки были разноцветные для каждого продукта. Для молока – серебристая, для топлёного молока – тёмно-жёлтая, кефир закрывался зелёной крышкой, ряженка – фиолетовой или розовой, сливки – жёлто-серебристой в полосочку. В стоимость содержимого включалась и стоимость посуды. Пол-литровая бутылка молока стоила 28 копеек, а литровая – 46. Топлёное молоко продавали за 30 копеек, кефир за 28, ряженку за 29. Маленькая пустая бутылка стоила 15 копеек, а литровая – 20.

Тесто для выпечки в деревне тоже приготавливали на молоке, а не на воде. Хотя и вода была чистая. Пили её прямо из колодца, из речки, ручья и лужи на дороге, если пить хотелось.

Не боялись ни отравиться, ни расстройства желудка, а если мутная, то фильтровали её через кепку, снятую с собственной головы или с чужой, если свою намочить жаль.

В огородах, кроме картошки и капусты, сажали: лук, чеснок, морковь, свёклу, репу, редьку, редиску, огурцы, помидоры, горох, тыкву, брюкву, бобы, подсолнухи, а укроп, хрен, мак росли самостоятельно, как сорняки... Всё это заготавливалось впрок, что-то перерабатывалось и убиралось на хранение для зимнего периода. Вот и бабушка моя с топором в руке пошла в огород, петуху тоже туда хочется. Всегда хочется туда, куда нельзя.

Летом и осенью питались овощами, фруктами и ягодами прямо с грядки. Для выращивания урожая химикаты не использовали. Удобрляли почву навозом, торфом, перегноем. Колорадские жуки у нас не водились, а когда они появились, не травили, а собирали и уничтожали, заливая в стеклянной банке водой или керосином. Стволы деревьев красили обыкновенной известью, а с вредителями боролись настоями крапивы, табака, лука, чеснока или чем-то подобным. Грядки поливали из лейки водой из пруда или колодца.

Как известно, русский человек не может сесть за стол без хлеба. Хлебобулочные изделия пекли в русской печке сами. Чёрный хлеб из ржаной муки, смолотой на мельнице из зерна, собранного на колхозном поле. Это был заварной хлеб, который не портился неделями. Если он черствел, то его можно было разогреть в печке, обернув во влажное полотенце, после чего он становился снова мягким и вкусным. Пшеничная мука тоже была своя, она называлась «белая», но покупная значительно лучше, чем из своей пшеницы. Покупали муку, как пшеничную, так и ржаную, мешками. У нас в горнице всегда стояло несколько мешков муки разных сортов, охраняемые от мышей и крыс кошкой Муркой. Мешок белой, мешок ржаной и пара мешков низкосортной муки для домашней живности. Мука в магазине из мешка стоила 16 копеек за килограмм, мука высшего качества в упаковке с колосками стоила 41 копейку.

Из белой муки пекли разные вкусности. У нас в доме, да и у других, в чести были булки, ватрушки, пироги разные, преснухи с творогом и ягодами, баранки, лепёшки, караваи. Всё это елось с молоком, а лучше со сливками, кому молоко надоело, тот с чаем. Наша бабушка, царствие ей небесное, Анна Константиновна могла всё это так испечь, что просто язык проглотить. Испечёт, бывало, преснух, пирогов, ватрушек и булок, переложит с металлических протвинец на деревянные, и поднимет на верхнюю полку в чулане. Мы с Витькой то и дело подставляли стул и карабкались к этой полке, брали, до чего дотянуться могли, и уплетали за обе щёки. Случалось, опрокидывали, поднимали с пола, пока никто не видел, и ели, желудками не болели. Мама тоже хорошо печь умела, но когда пришёл её черёд это делать, до полки мы уже с пола дотягивались, стул не подставляли.

Когда оказывались в городе, то перекусить шли в столовую или в чайную, которые были также и на селе, например, в Заозерье, и в Нагорье, и в Загорье, и в Ильинском, и даже на Путчинском льнозаводе. В городской столовой можно было перекусить стаканом сладкого чая за 2 копейки, добавив к нему булочку кунцевскую за 3 копейки, пирожок с ливером за 4 копейки, бублик или пирожок с повидлом за 5 копеек. А если сдать пустую бутылку за 12 копеек, то можно побаловать себя бубликом с маком за 6 копеек, фруктовым мороженым за 7 копеек или французской булочкой за те же 7 копеек, или съесть тульский пряник за 8 копеек, а можно и беляш с мясом за 11 копеек. Кто находил бутылку из-под вина, считался богачом, она стоила 17 копеек, а из-под шампанского вообще 20.

Если не было пустой бутылки на сдачу, то можно было зайти в столовую и, купив несколько кусочков хлеба по 1 копейке каждый, намазать их горчицей, посыпать солью и перцем, которые были вообще бесплатные, и поесть. (Одно время и хлеб в рабочих столовых был бесплатным.) Потом выйти на улицу и купить опять же за 1 копейку в автомате стакан газированной воды без сиропа и запить съеденное. А если пошарить по карманам и найти 3 копейки, то с сиропом. Вкусно! Сироп был настоящий. Кстати, медяками можно разжиться прямо на месте. Надо подолбить кулаком по этому автомату и он, вполне вероятно, может «отрыгнуть» съеденные им ранее монетки. Так же можно добыть монетки и из телефонного автомата. Там были специальные ячейки с «дверкой», куда они проваливались, если соединение срывалось. Если повезёт, могла высыпаться полная горсть. Когда я был курсантом, этот метод добычи двушек мы использовали частенько. Разговор по городскому телефону-автомату стоил 2 копейки. Эти монетки специально копили и держали при себе. Без неё не позвонишь. Эти монетки на земле не валялись, их всегда поднимали, и не из жадности, а для дела.

Бутылка газировки типа «Буратино» или «Колокольчик» стоила 10 копеек без посуды. Кафе, пивные бары и рестораны по ценам были доступны большинству взрослого населения. В них было не попасть. По вечерам очереди выстраивались у дверей на улице. За один стол сажали разные компании. Если ты один, а столик на четверых, то к тебе могут посадить ещё троих совершенно разных людей. В таких заведениях полезно было иметь «своего» человека или дать официанту денег, как бы упущенную выгоду, чтобы он никого не подсаживал. Или наоборот девушку посадил, если своей нету. А откуда ей взяться в далёком портовом городе?

Повсеместно на Руси разводили пчёл. Ульи стояли во многих деревенских и городских огородах. Мёдом делились с родственниками, соседями, продавали. Кто держал пчёл, тот мог обходиться без сахара и конфет. В соседнем с нашим огороде ульи стояли при всех хозяевах. Пчёлы летали, но кусали редко, только в очень жаркую погоду или когда у них мёд отбирали, но об этом соседей, как правило, предупреждали.

Рыбалка была и есть не только удовольствие для души, но и для желудка. Рыбы в Советском Союзе вылавливали очень много. Страна со всех сторон омывается богатейшими морями и океанами. В стране множество внутренних водоёмов. Советский рыболовный флот был одним из крупнейших в мире. В деревенских магазинах, где не было холодильников, всегда можно было приобрести рыбные консервы. Особой любовью пользовалась килька пряного посола, а попросту – хамса. У нас её называли «гамза». Привозили её в деревянных бочонках небольшого размера. Она «плавала» там в рассоле и продавалась на развес. Стоила такая килька 33 копейки за килограмм. Продавалась она и в металлических баночках, которые вскрывались обыкновенным перочинным ножом. Кстати, перочинные ножи имели и специальный кривой нож для вскрытия консервных банок.

Селёдка тоже присутствовала не только на праздничном, но и на обеденном столе. «Атлантическая», «Тихоокеанская», «Каспийская» «Иваси» – вкуснятина, особенно копчёная.

Нашу деревню, в отличие от страны, омывают не океаны, а две маленькие речки – Сабля и Работка. В те времена обе были рыбные. Весной и в начале лета рыбу ловили езами, неводами и сетями. Когда щука шла на нерест, её можно было поймать голыми руками в любом ручье, впадающем в реку, например, в Ониконском или Сальковском, что мы частенько и делали. В наших речках водились и раки, и было их немало. Свежую рыбу в основном жарили. Те, кто налавливал рыбы много, солили её впрок. Летом любители, а их было много, продолжали рыба-

чить черпаками, спиннингами, жерлицами, удочками и просто голыми руками. Чтобы просто поесть, наловить мог каждый, умеющий держать удочку, если не сегодня, то в другой день. А что касается Ивана Князева, так тот не жил без рыбалки и рыбы ни одного дня.

Это в нашей местности рыба не была основным продуктом питания, и ловили её в основном летом, у тех же, кто жил вблизи крупных водоёмов, ели её во всех видах круглый год. И не только шук, карасей, плотву и окуней, но и стерлядь, осетров, белуг и прочих ценнейших пород, а также икру красную и чёрную, как говорят, ложками. И всё это было бесплатно, если не подпадало под признаки браконьерства. Чтобы заставить народ есть не только мясо, но и рыбу, государство учредило в стране «рыбный день», это был четверг. Объяснялось это необходимостью насыщения организма фосфором, которого в рыбе значительно больше, чем в мясе.

А это керосинка, на ней готовили пищу. Не микроволновка, но была очень полезной и необходимой вещью, ведь печь топили зимой один раз в день, а летом один раз в несколько

дней, «а кушать хочется всегда». Готовили и на электроплитах, но керосин был дешевле электроэнергии.

Бесплатно пользовались граждане и дарами леса. Ягоды сушили или делали из них варенье. Варенье варили некоторые неохотно. Требовался сахарный песок, который стоил 90 копеек, а высший сорт все 94 копейки. Как и в большинстве семей, в нашем доме ягоды были свежие, сушёные и варёные. Сушёная малина была обязательно, ей лечились при простудных заболеваниях, заваривая вместо чая. Сушёную чернику мы с Витькой таскали из белого мешочка, что стоял в чулане на полке, и ели вместо лакомства.

А ещё на зиму я заготавливал красную рябину (черноплодной рябины тогда в огороде не было). Ломал ветки с кистями ягод или обрывал только кисти и подвешивал их на чердаке к крыше. Она немного высушалась, сморщивалась, но оставалась довольно сочной и вкусной. Зимой залезал на чердак и ел, пополнял организм витаминами. А калина так и оставалась на дереве до весны, пока её птицы не склёвывали. Эти две ягоды и в лесу оставались на всю зиму.

В лесах было тогда, да и теперь, много грибов. За грибами в лес ходили и стар и млад. И удовольствие получали, и пропитание добывали.

Благородные грибы сушили, жарили, варили с ними суп, а пластинчатые солили. Солили их в деревянных кадках. В некоторых местностях это были не просто кадки, а большущие бочки. Зимой из сушёных грибов делали грибную икру, варили вкусный суп, а солёные ели с картошкой под водочку.

В лес ходили не только за грибами, ягодами и орехами, но и поохотиться. На еду добывали зайцев, уток, гусей, куропаток, рябчиков, тетеревов, глухарей, вальдшнепов. В северных и восточных местностях водились и другие съедобные птицы. Когда я работал на Севере, то мы стреляли странных птиц с клювом курицы и перепонками на ногах, как они назывались, не помню, и были не очень вкусные.

Били и животных там, где они водились, и где можно было их стрелять. У нас кабанов, оленей и косуль не было, а лосей, которых было полно, убивать запрещалось. Правда в 70-х годах кабаны появились, и довольно много. И вообще зверьё в лесах водилось. Ни один поход в

лес не обходился без того, чтобы не встретить лося, зайца, крупную птицу или того же кабана. Ночью они бегали по дорогам, и многие автомобилисты и мотоциклисты столкновения с ними не избежали. Хорошо, если это заяц или безобидный ёж, а когда лось, то беда. Мой дядя Борис Крылов имел удовольствие столкнуться с лосем, когда вместе с женой на мотоцикле ехал в Углич. В итоге обоих, подобрав на дороге, отвезли в Ильинскую больницу. Слава Богу, что у обоих на головах были шлемы. Лисы вообще вели себя нагло. Бегали по полям и лугам, совершали набеги на деревню за курицами. У нас однажды передушила за два часа штук десять. Но лисиц убивали только из-за меха, мясо отдавали собакам. Да и сейчас они ведут себя безобразно.

Магазины народ посещал регулярно. Чаще всего там покупали папиросы, вино и водку. Ехали за этим продуктом на велосипедах, мотоциклах, машинах, тракторах, комбайнах, и, конечно, шли пешком. Водка – самый ходовой товар. Она для государства по праву считалась жидкой валютой. Доходы от продажи водки были существенной статьёй пополнения государственного бюджета. Для населения водка была уже твёрдой валютой. Много чего в нашей стране измерялось бутылками водки или граммами в стакане. Пили её гранёными стаканами, всякие там рюмки и фужеры народ не знал и не признавал.

До 1961 года пол-литровая бутылка водки обыкновенной, которую в народе звали «сучок», закупоривалась картонной пробкой, стоила 21 рубль 20 копеек, водка «Московская особая» с зелёной этикеткой стоила 25 рублей 20 копеек, «Столичная» – 30 рублей 70 копеек. После деноминации рубля её стоимость не изменилась, а цена соответственно стала в десять раз меньше (2.12, 2.52, 3.07). Но денег в деревнях было мало, и народ в больших количествах производил самогон, горилку, чачу. В основном для себя, но на продажу тоже. Народ потихонечку спивался.

Через десяток лет руководство страны решило дать пьянству бой, для чего в мае 1972 года вышло Постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». В соответствии с этим документом появились вытрезвители, пьяниц стали сажать на пятнадцать суток и стричь наголо. Таких стриженных почему-то называли «декабристами».

Появились новые сорта водки «улучшенного качества», а фактически изменились только этикетки, вместе с этикетками изменились и цены. «Московская особая» стала стоить 3 рубля 62 копейки вместо 2.87. Появилась «Сибирская водка» (в народе – «тройка») крепостью 45 градусов, и стоила она 4 рубля 42 копейки со стоимостью посуды. Кстати, цена указывалась на этикетке с оговоркой – эта цена «со стоимостью посуды» или «без стоимости посуды». Водка «Экстра» стоила 4 рубля без стоимости посуды, «Пшеничная» – 4.62 со стоимостью посуды.

Кроме самой популярной «Московской» пили и другие приятные напитки. Была в продаже водка «Лимонная» слабо-желтоватого цвета и сладковатая, «Столичная» с гостиницей «Москва» на этикетке, «Зубровка», «Старка» – крепостью 43 градуса и по цене 4 рубля 50 копеек, «Кубанская», на этикетке которой был изображён всадник на белом коне, а на «Зубровке», естественно, бык зубр. Водка «Охотничья» выпускалась крепостью 45 градусов. «Русская» водка стоила 4 рубля 30 копеек без стоимости посуды. Этикетки на «Русской» были разные и красочные, например: герб Российской империи (орёл двуглавый), картина с охотниками на привале, картина «Три богатыря», святые Борис и Глеб на конях. Была ещё в чести «Перцовка», когда-то она стоила всего 2 рубля без стоимости посуды, а потом – 3.50. «Стрелецкая горькая настойка», «Анисовая» и «Зверобой» – обе по 3.50, и даже такие экзотические, как «Распутин» и «Померанцевая». Ряд напитков были светло-коричневатого цвета, пить их было не так горько, как «Московскую», говорили, что они «помягче». Самая дешёвая водка, типа «коленвал», из продажи исчезла. Каждая водка, кроме официального названия, имела ещё и прозвище.

А вот бутылка шампанского сначала («сначала» – это пятидесятые, шестидесятые годы) стоила 3 рубля 60 копеек, потом подорожала до 5 рублей 50 копеек. Коньяк стоил 4 рубля 12 копеек, а настойка рябиновая на коньяке, очень приятная на вкус, стоила 4 рубля 40 копеек.

Пиво народ пил из бочек, разливное. Оно было дешевле и вкуснее бутылочного. Поллитровая кружка пива вместе с пеной стоила 20 или 22 копейки. Ждать, когда пена осядет, времени не было. Многие на этой пене озолотились.

Некоторые предпочитали пиво в бутылках, которое можно было хранить и транспортировать. Но в любом случае советское пиво было сварено на солоде, без консервантов и хранилось на более трёх-семи дней. Потом оно прокисало, и на дне тары появлялся осадок. По этой же причине в каждой местности пили пиво только своего производителя и свежее. В городах пиво продавали прямо на улицах из бочек, у которых непременно собирались огромные очереди. Кружок порой не хватало, тару приносили с собой. Были «пивнушки», прозванные «гадюшниками». Там пили всё подряд, не только пиво, курили, туалетов, естественно, не было, бедные соседи. Что удивительно, из одной кружки по очереди пили сотни и тысячи людей, и никаких тебе эпидемий. стакан у автомата с газировкой тоже был один на всех, и его не воровали. Если брали водку разлить, то далеко от автомата не отходили и возвращали стакан по первому требованию жаждущему.

Сортов пива было немало, но самое распространённое было «Жигулёвское», его производили повсеместно. Бутылка «Жигулёвского» пива стоила всего 25 копеек без стоимости посуды, с посудой получается – 37. Цена пива, как правило, указывалась без стоимости посуды. Жигулёвское специальное стоило уже 35 копеек. «Янтарное» Бадаевского завода – 34. Столько же стоило «Славянское», производимое на заводе «Красная Бавария». «Ячменный колос» был подешевле, всего 29 копеек, его любили. Столько же стоило и «Рижское», которое варилось исключительно на солоде и в народе ценилось за качество. «Останкинское» стоило на копейку дороже – 30.

Пили в Советском Союзе и вино. Сортов вин было бесчисленное множество. Его производили все пятнадцать союзных республик. Самым дешёвым было яблочное вино в пол-литровой бутылке, его можно было купить за 98 копеек. Остальные вина, насколько я помню, разливались в тёмные бутылки по 700 или 750 грамм. Среди них тоже были дешёвые сорта, нельзя, чтобы народ оставался без выпивки, когда денег не хватало. Вот, например, «Вино красное десертное» стоило 1 рубль 30 копеек без стоимости посуды (бутылка из-под вина стоила 17 копеек). «Вермут» вместе с посудой продавался за полтора рубля, «Лучистое» плодово-ягодное тоже с посудой за 1 рубль 80 копеек, «Портвейн» розовый за 1 рубль 90 копеек, «Столовое» дешевле – 1.10, «Каберне» – 1.02. А вот «Портвейн» белый 777 (три семёрки) стоил дороже – 3 рубля 40 копеек, молдавская «Мадера» стоила 3.20. Качественные и недорогие были грузинские вина. «Ркацителы» – 2.40, «Цинандали» – 2.70, чуть дороже стоил «Кагор» – 3 рубля со стоимостью посуды. Вино с поэтическим названием «Золотая осень» стоило вместе с бутылкой 1 рубль 27 копеек. Про «Солнцедар» молчу, страшно вспомнить.

Пили не только спиртные напитки, молоко и газированную воду, но и чай. Чай на Руси любили во все времена. Воду кипятили в самоваре, который «работал» на древесных углях, а заваривали в чайнике. Пакетиков с мусором, как сейчас, не было. Кипящий самовар ставили на стол, рассаживались вокруг него. Чай сначала разливали по кружкам или стаканам, а чтобы не обжечься кипятком, из чашек наливали его в блюдце и пили. Сахар клали либо в чашку, либо пили вприкуску, с тем же сахаром или конфетами. Сахарные куски кололи специальными щипцами.

Вот он тульский самовар, который стоял на столах в домах односельчан. Постепенно от самоваров стали отказываться и заменять их электрическими чайниками. Это были не такие чайники, которыми мы пользуемся сегодня. Те были металлические (алюминиевые), без автоматики. Они часто становились причиной пожаров. Если его забывали выключить, то вода выкипала, спираль раскалялась добела, чайник плавился и всё вокруг начинало гореть. Пожарные службы делали регулярные рейды по проверке правил эксплуатации этих чайников. Большинство госучреждений просто-напросто своими внутренними распорядками запрещали иметь их в рабочих кабинетах, но везде они были. Непослушных штрафовали и чайники незаконным образом конфисковывали.

Сортов чая было не много и качество не очень. Всегда в продаже был отечественный чай, выращенный в Грузии, Азербайджане и Краснодарском крае. А завозили чай в основном из Китая, Индии, Шри-Ланки, некоторых африканских стран. Его смешивали с отечественным, фасовали и продавали под маркой Индийского или Цейлонского. Наряду с чаем № 36, он счи-

тался хорошим и за ним «гонялись». Несмотря на низкие вкусовые качества нашего чая, его экспортировали в 10–15 стран.

А ещё мы пили кофе и какао. В СССР кофе был также, как и многие продукты и напитки не «предметом первой необходимости», а дефицитом. Он продавался в зернах на развес: два сорта – Арабика и Робуста, и конечно, вполне был приличный ассортимент растворимого.

Растворимый кофе продавался в жестяных банках: Московский кофе растворимый, (банка широкая, коричневого цвета).

Индийский кофе растворимый (тоже в коричневой банке с индийскими женщинами),
Натуральный кофе растворимый в высокой серебристой банке с черными и бордовыми надписями, а потом уже с пальмами – намек на Африку.

В картонных коробках продавались кофейные напитки: Ячменный, Балтика – это суррогат, который при варке еще более или менее, отдаленно напоминал кофе – но на вкус был так себе. Опять же в жестяных банках продавался напиток кофейный растворимый «Летний» с цикорием. Продавался в городских магазинах и зерновой кофе, не всегда, не везде, но купить можно было и довольно приличного качества. Его жарили на обыкновенной сковороде, мололи, варили и наслаждались его вкусом, кто понимал. Лично я до сих пор в кофе разбираюсь, как свинья в апельсинах.

Но всё-таки кофе был «городским» напитком. В закромах он был у многих, но им не увлекались. В городах с кофе перебоев не было и любители без кофе не оставались. Мололи кофе механическими кофемолками, которые называли «мельницами». В 70-х годах в моду вошли кофемолки электрические, которые были одновременно беспроектным подарком в семью или близкой подруге или другу.

Стоил кофе в зернах не так уж и дешево, но и не дорого – 10–15 рублей за килограмм, растворимый – банка «натурального» – 6 рублей, банка напиток «Летнего» – 4–5 рублей.

В деревне больше любили какао. Его легче приготовить, не надо молоть и варить. Налил в стакан горячей воды с молоком, бросил туда пару ложек порошка какао, сахару по вкусу и наслаждайся. Какао готовили во всех столовых, в том числе и в армии. Когда я жил в Заозерском интернате, то какао на нашем столе было очень часто наряду с чаем, компотом и киселем. Самым распространённым сортом был напиток «Золотой ярлык» в картонной коробке зелёного цвета. А ещё было какао в кубиках, в которых содержался сахар, молоко и собственно какао. Наполнил стакан водой, бросил туда кубик какао и готово. Эти кубики можно было даже

есть, как конфеты, вкусно. Удобно было таким образом готовить какао, например, в поезде, в общаге или в походе на природу.

В нашем доме на обеденном столе частенько появлялся кисель, который бабушка варила, используя крахмал, полученный из картошки, что собрали на огороде и клюквы, собранной на Рябовском болоте. Фруктовый кисель был в меню практически каждой столовой.

Ещё покупали в магазинах «курево». Курящих мужчин в моей деревне было достаточно, но и некурящих тоже много. Мой дядя Крылов Борис прошёл всю войну, а курить так и не научился. Не курил Иван Блохин, Сидорин Александр, Алексей Баков, Павел Камутин, Лебедев Владимир, Коля Шапкин и другие. Но были и такие, что папиросу изо рта не выпускали, например, Николай Круглов, Иван Князь, Лебедев Виктор. Хотя папиросы и стоили, казалось бы, не дорого, но курить надо постоянно и суммы в итоге набегали немалые. Несколько человек для себя табак выращивали на собственных огородах. Точно знаю, что табак рос у Ильи Наумова и, если память не подводит, у Дмитрия Шапошникова, что жил на краю деревни.

Советский Союз по производству табачных изделий входил в тройку лидеров. Государство от производства и продажи табака имело немалый доход. Папирос и сигарет производилось много и разных. С раннего детства помню папиросы «Север», «Беломор-канал», «Байкал», «Памир», «Прима», «Шипка». Цена папирос и сигарет одного и того же названия колебалась в зависимости от сорта табака, качества упаковки, количества папирос или сигарет в пачке. Папиросы «Север» могли стоить как 14, так и 20 копеек. «Астра», «Аврора» и «Прима» стоили по 14 копеек, а «Памир» без фильтра вообще – 12 копеек. «Беломор-канал» был дорогой, он стоил 22 копейки, а был и по 25, «Дымок» – 20 копеек, сигареты «Новость» с фильтром – 18. Болгарская «Ватра» тянула на все 25, а за «Казбек» с десятью штукаками в пачке платили 27 копеек. Пачку махорки можно было купить за 15 копеек, оторвать кусок газеты, свернуть «козью ножку» и наслаждаться. Со временем сигареты с фильтром стали выпускать в красивых твёрдых упаковках. «Ява», «Столичные», «Космос», «БТ», «Рига» и другие повысились в цене до 40–70 копеек.

Народ не мог жить без сладкого. За сладостями, как и за сигаретами, шли в магазин. Сахар кусковой или «колотый» покупали как килограммами, так и мешками. С сахаром пили чай, откалывая маленькие кусочки щипцами. Такие щипцы были в каждом доме, и не одни. В большом количестве сахар использовался для варенья и самогона. Самогон гнали подпольно, но, несмотря на запреты, на большие праздники, свадьбы и поминки им запасались в больших количествах. Частенько бражка до конечного продукта не доживала, её выпивали на стадии брожения. Сладенькая, пьётся хорошо, но по башке шибает прилично. Гнали самогон и на продажу. Самогонные аппараты в доме держать было опасно, поэтому пользовались подручными средствами. Напиток получался мутный, вонючий, но это не мешало потреблять его вместо казённой водки. Килограмм сахарного песка на развес стоил 80 копеек.

Если сахар был бытовой необходимостью, то конфеты своего рода баловством. Народ позволял побаловать себя и детей ирисками, карамельками, да и шоколадными конфетами тоже. Самыми доступными были «подушечки». Это такие квадратные пузатенькие, без обёртки конфетки с повидлом, вареньем или другой фруктово-ягодной начинкой, иногда посыпанные сахарной пудрой. Стоили они недорого, от 1.30 до 1.80. После принятия горбачёвского сухого закона их стали использовать в самогоноварении вместо сахара. Самогон получался вонючий, но съедобный.

Особой любовью у детей пользовались ириски «Золотой ключик», «Кис-Кис», «Тузик», а также карамельки «Снежок», «Дубок», «Фруктовый» и прочие сладости с фруктово-ягодными названиями. Они, в отличие от подушечек, были в красивых фантиках, и их можно было положить в карман и не испачкать одежду.

Взрослое население к чаю покупало конфеты повкуснее. «Белочка», «Кара-Кум», «Петушок», «Ласточка», «Птичье молоко», «Мишка косолапый», «Кот в сапогах», «Мишка на севере» – водились почти в каждом доме. Эти конфеты были очень вкусными, но дорогими, от 4 до 7 рублей за килограмм, и покупали их не килограммами, а граммами. Конфетами украшали новогодние ёлки. Для розыгрыша вместо конфет в яркие фантики частенько заворачивали кусочек хлеба. Брат Анатолий регулярно поддавался на эту уловку. Бабушка говорила, что он всегда очень любил «сладенькое».

Из сладостей, кроме конфет, ели пряники, халву и печенье, а городские жители наслаждались тортами и всякими пирожными. Самые вкусные пряниками были «Мятные». Они были белого цвета, покрыты тонким слоем глазури и очень ароматные. Причём аромат исходил не от ароматизаторов, а от естественных ингредиентов. «Школьные» и «Медовые» пряники были коричневого цвета и тоже очень ароматные и вкусные, особенно когда свежие. Печенье было разных сортов, отличалось формой и вкусом. В магазины эти продукты поступали в больших картонных коробках и продавались на развес, но были и в упаковках. Вкуснейшую халву делали из подсолнечника, наверное, как и сейчас, только раньше она была вкуснее и в продажу поступала в больших брикетах.

«Брали» в магазинах макароны и крупы. Этого добра всегда было предостаточно. Макароны и «рожки» (это такие макароны завитушками) можно было грызть и в сыром виде, мне нравилось. Покупали их в большом количестве, коробками или мешками, хранились они долго, главное, чтобы мыши не съели.

Запасались впрок спичками, солью, табаком, мылом, сахаром и подсолнечным маслом. Кстати, кроме подсолнечного было масло льняное, на вкус приятное, но стоило дороже подсолнечного. Подсолнечное масло было густое, немного мутноватое, но настоящее, пахучее и вкусное.

Как мы одевались

У деревенского жителя одежда была, в основном, рабочая. Взрослые мужчины летом носили кепки, рубашки или майки, брюки, сапоги или сандалии. Рубахи тёмных цветов или в клетку. Сапоги носили кирзовые, в сырую погоду резиновые. Поверх рубашки, когда прохладно, надевали пиджак. Носили пиджаки ещё и из-за карманов, куда клали папиросы, спички, очки, перочинные ножи, носовые платки и прочие мелочи. Выходная одежда была примерно такая же. Только сапоги «кирзовые» меняли на хромовые или на ботинки фабрики «Скороход». Брюки, майки и рубахи надевали чистые и светлые, праздник всё-таки. Весной и осенью поверх всего носили плащи. Помню, что в моде были плащи из плотной ткани, как правило, тёмно-синего цвета, с косыми прорезными карманами и с поясом. Самые модные мужики пуговицы на плащах не застёгивали, а пояс болтался сам по себе.

Кепки тоже были рабочие и выходные. Рабочие – грязные и мятые. Их не только носили на голове, но использовали как тару, когда надо что-то сохранить или перенести с места на место. В них собирали в лесу грибы и ягоды, клали испечённую в костре картошку, продукты, купленные в магазине, яблоки из чужого сада, папиросы, чтобы не помялись, и спички, чтобы не намокли во время рыбной ловли. Её использовали вместо подушки, когда надо поспать во время работы, на них сидели, чтобы брюки не испачкать, да и помягче, чем на голом камне. Три Виктора – Кузьминский, Натальин, Сидорин.

В кепках носили пойманных раков и рыбу. Её использовали вместо фильтра, когда надо было напиться воды из лужи или ручья. Сашка Камутин носил в кепке за подкладкой мышей, что налавливал в поле для своей кошки. Модные мужики, особенно рыбаки-любители, носили соломенные шляпы.

«Выходные» кепки носили по праздникам, в город или по другим особым случаям. Самые распространённые были кепки-восьмиклинки. Внутри такой кепки вставлялся картонный обруч для сохранения формы, а подростки могли заложить и металлический, чтобы во время драки отмахнуться. Я знаю, что такой обруч был заложен в кепку Васьки Багрелова. Он мне её однажды уделил на время, когда я на конюшне в возрасте шести лет дрался с Пашкой Степановым, который был значительно старше меня и крупнее. Я так настучал этой кепкой ему по голове, что потом был выпорот матерью ремнём.

Подростки одевались помоднее, чем взрослые. Рубашки были разных цветов и фасонов. Приталенные, навывпуск, воротник-стойка, нагрудные, накладные карманы и т. д. Брюки тоже по моде: то узкие, то широкие, то прямые, то расклешённые, карманы – то косые, то прямые, и всех цветов, от белых до чёрных. На ногах уже ботинки, а не сапоги. Ботинки тоже разных цветов и фасонов. Тупоносые, остроносые, на платформе, на тонкой подошве («корочки» назывались), со шнурками или без шнурков. А по деревне бегали в чём придётся. На ногах сандалии, кеды китайские, кожаные тапочки, старые ботинки или босиком. В лес или на работу – сапоги или что-то другое по обстановке. На головах кепки, тубетейки, соломенные шляпы, или шляпы, сделанные собственноручно из газеты «Северный рабочий».

А это мои модные одноклассники. Брюки – клёш, лацканы на пиджаках – шире некуда. Все улыбаются.

Купались в речке поначалу в трусах, называемых в народе семейными, но в середине пятидесятых у молодёжи появились плавки. Они были чёрного или синего цвета и завязывались на бедре сбоку двумя тесёмочками. Резинки в таких плавках не было. Если трусы после купания снимали, выкручивали (выжимали) и снова надевали досыхать на теле, то такие плавки уже просто снимались и вместо них надевались сухие трусы. Особенность их была в том, что их можно было надеть и снять, не снимая трусов, через одну ногу, и не ходить в кабинку, за куст или под берег. Вскоре, правда, появились разнообразные настоящие плавки на резинках, те уже так просто не наденешь и не снимешь. А вот у девчонок почему-то всегда были купальники, как сплошные, так и отдельные. Горожане приобретали все эти прелести, конечно, значительно раньше, чем мы, деревенщина.

А как же на море и без транзистора? Нельзя.

В ту пору зимы были настоящие – длинные, снежные и морозные. Одеваться приходилось соответственно. На голове шапка-ушанка – один из символов России, на ногах валенки – другой символ. Шапки эти утеплялись ватой. Верх был из плотной шерстяной материи или кожаный, козырёк и «уши» отделялись натуральным мехом, как правило, цигейкой (овцой). И шапки такие назывались «цигейковые». Стоила такая шапка 14 рублей, кроличья была дешевле, всего 12 рублей. Народ предпочитал шапки с кожаным верхом. Они не продувались ветром, лучше сохраняли форму, не намокали от дождя и снега, да и выглядели поприличнее, как говорили, побогаче. Да её в случае чего от грязи и пыли отмыть можно без ущерба для качества. Были в моде и меховые папахи, напоминающие солдатские пилотки, они были плоские, их удобнее хранить, да и посидеть на ней можно было, но вот уши они от мороза спасали частично или совсем не спасали.

Одно время в моду вошли шапки с мехом наружу. В городах «уважаемые» люди носили шапки с дорогим мехом, например: норка, куница, соболь, хорь, выдра. А большинство – что попроще и подешевле: белка, кролик, кошка, собака, волк, лисица, ондатра, бобр, олень, енот. Была мода и на шапки с очень длинным мехом. Шапка из шкуры енота или черно-бурой лисицы, например, была в три раза больше головы, была у меня такая. Когда она мне надоела, я её подарил кому-то к большой радости нового обладателя, а вот кому, уже не помню. Женщины тоже щеголяли в меховых шапках, как мужского покроя, так и женского.

Валенки носили ручной работы. Делали их длинными, почти до колен, чтобы снег в них не попадал, когда по сугробам лезешь. Мужские валенки делали с загибом, и если его «разогнуть», то они становились выше колен, как ботфорты. Мужики на снимке в такие обуты. Многие семьи валяли их из шерсти со своих овец романовской породы. Чем больше шерсти, тем они толще, а значит, и теплее, да и длиннее. Модными считались чёрные валенки, крашенные, а так от природы они серые. Самым уязвимым местом у валенок был задник и подошва. Задник протирался калошами, а подошва о дорогу. До того, как появились калоши-тянучки из эластичной резины, чёрные, матовые, носили литые. Литые были тоже чёрные, но блестящие, в них можно было смотреться, как в зеркало. Они были очень жёсткие, тяжёлые и, несмотря

на матерчатую подкладку на внутренней стороне, валенок протирали быстро. Такие валенки отдавали в ремонт Васе Осипову или носили в Заозерье, в сапожную мастерскую.

На задник в этом случае пришивалась кожаная накладка и делалась подошва из такого же войлока, как валенок. Когда сапог ремонтировался кустарным способом, то есть на дому, то мастеру несли старый валенок для подошвы и старую кожаную обувь для накладки. Такие валенки носили уже без калош. Если подошву не подшивали, а только «задник», то носили их и с калошами. Нитками, которыми ремонтировали валенки, служила дратва (просмоленная льняная нить). В школу ходили в валенках или зимних ботинках. Ботинки были кожаные на меху или войлочные, называемые «прощай, молодость». В нормальных семьях у каждого члена семьи было по несколько пар валенок. Наиболее продвинутые мужчины и женщины носили валенки круглый год, в них зимой тепло, а летом не жарко. Мне кажется, кузнец Фёдор Багрелов их вообще не снимал. Даже невод по реке он и то таскал в валенках, а в кузнице это самая безопасная обувь. Да и мой дядя Борис Крылов любил в них ходить, у него даже домашние тапочки были свалены из шерсти.

Валенки носили «на босу ногу». А вот другие сапоги – с портянками. Портянки, я думаю, одежда чисто русская, как и валенки. Если их нормально навернуть (намотать), то нога чувствовала себя очень комфортно, не то, что носки. Если ноги промочил, то её можно перемотать другой стороной, что была в голенище и осталась сухой. Пока ходишь, и сырой конец подсыхал, и снова можно перемотать.

Верхней добротной одеждой считалось драповое пальто на вате, длинное или укороченное. Чаше имелось и то и другое. Материал был настоящий, изнашивался довольно быстро, поэтому такие пальто часто перелицовывали – выворачивали наизнанку и оно становилось как новое. Любил народ и полушубки из шкуры той же романовской овцы. В них хорошо, когда ветер на улице – не продувает и воротник высокий, голову, а главное, уши, закрывает. У нас в семье было два таких полушубка. Но самой распространённой, я бы сказал, всепогодной, одеждой была фуфайка (ватник). Лёгкая, удобная, тёплая вещь, один недостаток – не было настоящего воротника. Даже от лёгкого зимнего ветерка приходилось прятать лицо, уши и шею под шапку или шарф. Эта фуфайка была на все случаи жизни, и сейчас бы поносил, да купить негде. Во времена нашего детства их шили в КБО в Заозерье.

На руках носили рукавицы, связанные из той же шерсти. У нас в семье бабушка прядла пряжу, а мама вязала на четырёх спицах. Рукавицу она могла связать за один вечер. Мы с братом смотрели, как прямо на глазах из-под маминых рук вырастает рукавица, и время от времени примеряли на своих руках, определяя место для большого пальца и общую длину. Вязала она и перчатки, но с ними хлопот было больше. В детстве таких рукавиц нам хватало лишь на одну зиму. От постоянной сырости они «садились» и становились маленькими и короткими, оголялось запястье, на которое попадал снег и «обжигал» голое место ветер, и они просто изнашивались. Для тепла и долговечности их обшивали тканью или поверх надевали голицы (рабочие рукавицы). У детей, да и у взрослых за день от снега они становились влажными. Придя домой, их сразу же клали в печурок, где они высыхали и нагревались. Влажные от пота шапки для просушки вешали на гвоздь, вбитый в стену около печки. Холодным зимним утром очень приятно обуться в тёплые валенки, взятые с печки, на голову надеть шапку, снятую с гвоздя около печки, а на руки рукавицы из печурка. В тёплой одежде и на мороз не страшно. На шею повязывали шарфы. Особенно модными и престижными считались мохеровые шарфы, которые были всевозможных ярких расцветок.

В городах, конечно, одевались моднее и разнообразнее. Особенно девушки, они то закрывались с головы до пят, то оголялись до неприличия. От европейской молодёжи отставали, но за модой гнались, можно сказать, по пятам. Когда я был студентом, это семидесятые годы, в Москве можно было купить всё, были бы деньги и желание потолкаться в очереди. Мои однокурсники одевались вполне по-европейски. Наши союзники: Польша, Венгрия, ГДР, Болгария,

Румыния, Югославия и даже далёкая Индия пооткрывали свои магазины и снабжали нас всяким «красивым» и качественным барахлом, которое мы скупали и носили. Бывало и такое, что войдёт что-то в моду, и народ начинает с ума сходить, ломиться за вещь и переплачивать за возможность ею обладать. Например, дублёнки, кроссовки, джинсы, норковые шапки, кожаные куртки, плащи-болония, даже галстуки, то широкие, то узкие, то вязаные, то кожаные, то короткие, то длинные. Помню, народ гонялся за индийскими кожаными хозяйственными сумками. В индийском магазине «Ганга» за ними выстраивались длинные очереди, а мы покупали их девушкам и женщинам в подарок.

Но надо сказать, что цены на одежду были вполне сносными. Мужские рубашки стоили от 7 до 15 рублей. Их покупали сразу по несколько штук, разных расцветок. Туфли мужские и женские, если модные и хорошие, то стоили рублей 30–40, впрочем, как и джинсы, а ботинки попроще можно было купить и за 12–15 рублей, но в среднем они стоили не более 20 рублей. Плащи стоили от сорока до шестидесяти рублей, костюмы мужские чуть дороже – рублей 60–80.

Как мы прихорашивались

Во все времена человека окружают вещи, которыми он пользуется. Кроме одежды, людям надо где-то жить, на чём-то передвигаться, чем-то обрабатывать землю, иметь посуду и инструмент, содержать себя и жилище.

Деревенский люд СССР и добрая половина городского проживала в собственных отдельных деревянных домах. Жильё в городах в многоквартирных домах или бараках доставалось бесплатно, а собственное жильё возводили за свои кровные рубли. Богатые могли позволить себе кооперативную квартиру, один квадратный метр в которой стоил около 150 рублей. Для большинства населения эта цена казалась очень высокой.

Зубы мы чистили зубным порошком, который имел приятный запах и продавался в круглых красивых картонных коробочках. Самым любимым и массовым был «Мятный» и «Детский», этот порошок был в каждом доме, а стоил 4 копейки. Был ещё зубной порошок «Метро», «С добрым утром!», «Освежающий». Чистили зубы по утрам около умывальника, который звали «рукомойником». Он висел в чулане на стенке, под ним стоял таз или ведро, в лучшем случае металлическая раковина из оцинкованного железа. Рядом помещалось ведро с водой и ковш, чтобы пополнять умывальник. Зимним утром, когда вода в ведре холодная, наливали воду из чугунка, сохранившего тепло в русской печке, но чаще всё-таки умывались водой, принесённой из колодца. Пили воду из того же ведра, зачерпнув тем же ковшом. Зачастую рукомойники летом вешали рядом с колодцем или в другом удобном месте.

Там же около рукомойника лежало два куска мыла, один хозяйственного, им мыли руки, другой – туалетного, им мыли лицо, шею, да и руки тоже. «Хозяйственное» мыло (оно так и называется) продавалось без упаковки. Кусок мыла весом 200 грамм стоил 23 копейки. Но оно могло стоить 19 и 25 копеек в зависимости от содержания в нём моющего вещества – щёлочи. Прямо на куске большими цифрами был выбит этот самый процент в пределах от 50 до 80.

Сортов туалетного мыла было великое множество. Самое любимое – «Земляничное». Оно было розового цвета и пахло настоящей земляникой, а стоило 12 копеек. Детям, чтобы они не забывали умываться, покупали «Детское» мыло или «Тик-Так», «Пионер», «Чистюля», в нём содержание щёлочи было минимальным и глаза оно щипало не так сильно, как другие сорта. Не менее популярным было: «Цветочное» стоимостью 14 копеек, «Русский лес», «Ландыш», «Лесная сказка», «Красный мак», «Старт». В баню мы ходили с «Банным», «Семейным», «Хвойным», пахнущим свежими еловыми иголками, или с тем, что оказалось под рукой. Кусок туалетного мыла весил 100 грамм. Обмылки не выбрасывались, а использовались в стиральных машинах.

Девушки и женщины не могли обходиться без косметики, независимо от места жительства. Красивыми хотелось быть всем, и городским и деревенским.

У моей мамы из косметики были духи (несколько флакончиков), пудра и губная помада. Помню духи «Кармен». Они были в пузырьке в виде плоской пирамиды и с красивой девушкой на этикетке, это была собственно Кармен, с красными розами в волосах и в руках. Запах у этих духов был очень приятным. А ещё у неё были духи «Ландыш», «Сирень», «Красная Москва».

Пахли они настоящими цветами и были довольно стойкими. Славились духи «Дзинтарс» рижской парфюмерной фабрики с одноимённым названием, маме их Виктор привозил прямо из Риги. Потом стали появляться духи с интригующими названиями: «Наташа», «Признание»,

«Москвичка», «Незнакомка», «Тет-а-тет», «Милая», «Фея ночи», «Быть может», а почему бы и нет, задавались вопросом мужчины.

Импортных духов почти не было, и когда появились «Фиджи» и «Клема», это было что-то! За ними выстраивались длинные очереди, и тот мужчина, который мог их «достать» для любимой женщины, на многое мог рассчитывать в ответ. Маленький флакончик «Клема» стоил 25 рублей, но мужчины на них денег не жалели, это был беспроегрешный подарок по любому поводу.

Почти одновременно с этими духами в продаже появилась французская тушь, тени для глаз, лак для ногтей, пудра.

Одеколоном пользовались мужчины. Самый ходовой был «Тройной». Стоил недорого, вместительный круглый пузырьёк, на долго хватало. При желании этим одеколоном можно и опохмелиться, в некоторых домах он не застаивался, пили и не умирали. Не меньшим уважением пользовался «Шипр», «Красная Москва», «Гвоздика», «Ландыш», «Красная роза», «Русский лес», который стоил 1 рубль 20 копеек. Это уже в семидесятых стали появляться одеколоны с коммерческими названиями, такими, как «Саша», «Одеколон для мужчин», «Чарли», «Алёша», «Консул», «В полёт». Хотелось купить и попробовать, не на вкус конечно, на запах. До сих пор помню запахи этих натуральных, отечественных одеколонов и духов.

Пудрой пользовались многие женщины, появляющиеся в общественных местах. Она была розоватого цвета, на лице её почти не заметно, но положительный эффект от неё был несомненно, да и запах у пудры был очень нежный, ненавязчивый. Я часто открывал мамину коробочку с пудрой и нюхал. При открытии и закрытии коробочки пудра пыльным облаком разлеталась по сторонам и вокруг воцарялся этот чарующий запах. В то время я ещё не знал, что так приятно может пахнуть только красивая женщина. Пудра стоила очень недорого, и её было не жалко, хотя в те времена ко всему относились очень бережно. Пудра «Гвоздика» стоила 5 копеек, «Ландыш» – 8, «Кармен» – 10, а «Лебяжий пух» – целых 12 копеек.

Взрослые мужчины, особенно фронтовики, брились «опасной» бритвой. Мне кажется, этот инструмент был вечным. Во-первых, она (бритва) была довольно толстая, во-вторых, точилась, а вернее, «правилась» такая бритва о широкий кожаный армейский ремень.

И источиться, как коса о брусок, просто не могла. Такой ремень был в каждом доме и, как правило, висел на стене. Править бритву можно было просто о голый ремень, или нанести на него некий абразив типа асидола или пасты ГОИ («ГОИ» расшифровывается как Государственный оптический институт), которыми в армии надтирают медные бляхи и пуговицы. Например, такое «правило» у моего дяди Бори висело перед зеркалом посреди избы. Этим ремнём он осуществлял правёж не только бритвы, но и сыновей Витьки, Мишки и Сашки. Вот и выросли людьми, а теперь отцы бреются «Жилетом», им ребёнка не воспитаешь. Да и нельзя – в детдом заберут или в другую семью, идиотизм, да и только.

Уже в те годы молодёжь такими бритвами не пользовалась. Появились безопасные бритвы. В бритвенный станок вкладывалось лезвие типа «Спутник» или «Нева», намазывалась физиономия специальным помазком и начиналась процедура собственно бритья. Я помню, сколько терпения требовало такое бритьё. Лезвия в нашей стране делать не умели, ими хорошо было карандаши затачивать, а волосы они сбрасывали через один – второй вытаскивали с корнем. Но мы брились и не обращали на это внимания. Моему поколению выдёргивать бороду пришлось, правда, не очень долго, вскоре появились импортные лезвия, которые брили неощутимо, а вскоре и наши промышленники научились такие делать. Большинство же брились электробритвами типа «Харьков».

После бритья лицо обрабатывали одеколоном, а также туалетной водой «Свежесть» или лосьоном «Вечерний». И кожа становилась эластичней, и запах приятный. Одеколон и лосьон на лицо наносили руками или разбрызгивали специальным пульверизатором, который навёрчивался на флакон либо продавался сразу с флаконом, и в него надо было наливать содержимое по мере расходования. У меня был пульверизатор, напоминающий гранату-лимонку, сделанный из тёмно-синего стекла, с оранжевой грушей.

Опасная бритва (правильное её название – клиновья) действительно представляла опасность. Когда брились с похмелья и руки тряслись, можно было порезаться. Такие порезы мужики обычно заклеивали обыкновенным кусочком газеты. С такими наклейками и по дому ходили, и на работе появлялись.

Интересная была «Тушь для бровей и ресниц». Это такая плоская квадратная пластмассовая или картонная коробочка с чёрной тушью. В этой коробочке кроме собственно туши была ещё маленькая щёточка с ручечкой.

Пользоваться этой тушью было очень удобно – поплевал в коробочку, размазал слюну щёточкой и наноси на то место, которое хочешь украсить. Не то, что французская в цилиндрическом тюбике с маленьким отверстием для круглой щёточки, туда не плюнешь. И если засохла, то или выбрасывай, или изловчись туда воды налить. Но французская почему-то женщинам нравилась больше.

Как юноши, так и девушки всех возрастов украшали себя причёсками. Увидели в кино или по телевизору красивую артистку с оригинальной причёской – «я, Вань, такую же хочу!» В моде были то крупные кудри, то мелкие, то прямые длинные волосы, то короткие, то начёсы, то хвосты. Когда я учился в 9–10 классах, у всех моих одноклассниц были чёлки и длинные волосы, заплетённые в косы. Через пару лет мода поменялась, косы вдруг исчезли, большинство постриглось под «каре». Кудри девушки завивали на бигуди. У кого был фен, то сушили волосы феном, а у кого фена не было, повязывали платок и ложились спать.

За ночь волосы высыхали и кудри готовы, держались, правда, они всего один день. Были в моде и крашенные волосы, но краска была чёрная, либо каштановая, таких экзотических цветов, как сегодня, в те годы не было. А вот осветляли волосы таблетками гидропирита и нашатырным спиртом, купленными в аптеке.

Юноши постригались «под бокс», «полубокс», «под скобочку», «с пробором», косички и хвосты на голове не носили и наголо стриглись редко. Несколько лет был в моде «ёршик», а также длинные волосы, которые зачёсывали назад. У каждого мужчины и юноши в нагрудном кармане имела расчёска в футляре или без футляра. мода на совсем длинные волосы пришла из Европы позже, но такие волосы носить считалось неприличным, и эта мода всячески высмеивалась и во многих государственных учреждениях не приветствовалась и даже запрещалась. Носили такие волосы в основном люди свободных профессий.

Зачастую мужчины подстригали друг друга сами. Я «работать» парикмахером начал ещё в школе, продолжил в училище, потом на корабле и в армии, подстригаю друзей и родственников по сей день. Мне с волосами что-либо комбинировать, можно сказать, не пришлось. К двадцати пяти годам у меня была уже прекрасная лысина, которой я ежедневно люблюсь.

На чём мы катались и передвигались

Нормальных дорог на Руси как не было, так и нет. Передвигаться по нашей необъятной Родине – большая проблема. Зимой, если снег выпадет, даже по Москве нормально проехать невозможно. Город становится в пробки. Легковые машины буксуют оттого, что маленькие, и вязнут в снегу, да ещё мешают друг другу, бьются, а грузовики не могут преодолеть подъёмы и вписаться в повороты. Про реагенты я просто умолчу.

Летом за пределами Москвы, за некоторым исключением, выбоины, колдобины, узкие дороги или вообще отсутствие твёрдого покрытия. Одним словом – беда.

Не зря испокон веку на Руси пешком ходили. Странствовали на своих двоих, с котомкой за плечами, в лаптях и с посохом, а попросту с деревянной палкой. На неё и котомку повесить можно, положив на плечо, и глубину водной преграды измерить, и от собаки или зверя какого отмахнуться, и в окно постучать, когда ночлег ищешь. У нас на Руси и армия-то пешая была, на коне восседал только князь или военачальник, и те перед боем спешивались. Привыкли наши предки пешком ходить, натоптали дорог-тропинок за столетия, они только к концу двадцатого века зарастать стали. Между Семёновом и Юрьевом, например, была одна основная проезжая дорога, и две по краям деревень, по которым ездили редко из-за их состояния, а тропинок шесть или семь. Были тропинки к каждому сараю, к скотным дворам, к конюшне, к кузнице и мельнице, к речкам, полям и лесам, вдоль деревни и поперёк и наискосок. Основная дорога, которую называли большаком, была вымощена камнями.

Но прогресс не остановишь, ходить пешком человечеству надоело, и самым первым и надёжным средством передвижения стала лошадь и деревянная лодка. На лошадях и кораблях наши предки доезжали и доплывали до края земли. В других местах земного шара оседлали оленей, слонов, собак, ишаков. И делали это до тех пор, пока не появились паровозы, автомобили, пароходы и самолёты. Пересаживались в двадцатом веке и мы на эти виды транспорта. В середине пятидесятых годов модным стал велосипед. Это был самый доступный и удобный механический вид транспорта. Велосипеды были мужские (с рамой), женские (без рамы) и детские обоих видов. Велосипеды были в каждом доме, и не по одному, где жили люди среднего возраста и подростки. На велосипедах ездили на работу, в магазин, в школу, в лес, в клуб, в гости, на речку, в церковь, на свидание, и просто покататься. Я ещё в школу не ходил, когда у нас в семье появился дамский велосипед «Ласточка». Он оказался настолько долговечным, что оставался на ходу и после маминой кончины. Она ездила на нём каждый день на работу, когда снега на дорогах не было, и мы с братом брали покататься или по делам съездить.

Вот он один к одному, даже сеточка, прикрывающая заднее колесо от попадания туда подола платья, сумочка для гаечных ключей, ручной тормоз, звонок и эмблема той же расцветки.

А когда Виктор стал подрастать, появился и у нас мужской велосипед «Прогресс», а потом и второй, кажется, «Кама». Мы с братом купили его в Заозерье то ли за 47 рублей, то ли за 48. Деньги на велосипед заработали в колхозе летом. Когда ехали из Заозерья двое на одном, сразу его обновили. Улетели в придорожный кювет где-то за Вяльковым. Выбрались, отряхнулись от грязи, закрепили гайки на руле, а заодно и другие подтянули, и поехали дальше. Это был очень красивый велосипед чёрного цвета. Есть велосипед и сейчас, и мы на него время от времени садимся. Например, когда на машине нельзя, а выпить хочется, или заводить машину лень.

Детских велосипедов было в деревне мало, единицы, я имею в виду свою деревню. Это считалось роскошью, точно помню, был такой велосипед «Орлёнок» светло-коричневого цвета у Витьки Сидорина. Другим детским велосипедом был «Школьник», он стоил 39 рублей. А вот

сейчас детвора гоняет по деревне исключительно на подростковых навороченных велосипедах. Придётся, наверное, и мне дочери Вике такой купить.

Были велосипеды и других марок – «Харьков», «Десна» стоимостью 60 рублей, «Украина» – 70 рублей, «Урал» был дешевле, всего 52 рубля. Цена различалась от наличия дополнительного оборудования, например, фар или защитных щитков, ручных тормозов. Городские жители рассекали на спортивных великах. И очень гордились своими «Спутниками» за 74 рубля и «Салютами» за 84 рубля. Спортивный велосипед без преувеличения был предметом гордости. Многие известные советские женщины с неподдельным чувством превосходства красовались в седле такого велосипеда, а окружающие завидовали. На таких велосипедах выступали наши советские спортсмены и становились чемпионами. И хранить велосипед было удобно – за крыльцом, в прикуте, в огороде, в дровянике, в садке или просто под окном, прислонив к стене или дереву.

Наравне с велосипедами выпускали в нашей Родине СССР мопеды и мотоциклы. Владельцем первого мопеда, который я увидел в 50-х годах, был Орехов Владимир Сергеевич, который, будучи молодым человеком и одновременно учителем, ездил из Заозерья на работу в Сигорскую (Юрьевскую) школу. Это был обыкновенный велосипед, на который поставили мотор. Настоящий мопед, что-то между велосипедом и мотоциклом, я увидел в Риге. Их, мопеды, выпускали там же в Риге и ещё во Львове и Москве. Это была очень красивая и элегантная техника, которая стоила от 100 рублей и выше, в зависимости от модификации.

В Риге выпускали «Ригу» – 1, 3, 4, 5 и т. д. Если «Рига–1» стоила 110 рублей, «Рига–3» – 130 рублей, то «Рига–11» –145 рублей, «Рига–12» – 183, а «Рига–13» уже – 220, но это был почти мотоцикл с двумя скоростями.

Во Львове выпускали «Львовянку», «Тиссу», «Карпаты», «Верховину». Самая популярная была «Верховина», как и «Рига», она выпускалась в нескольких модификациях и стоила примерно тех же денег.

Первым из моих сверстников обзавёлся мопедом Веденеев Виктор, когда мы учились в пятом или шестом классе. Путь из Богатинова, где он жил, до Юрьева, где мы учились, был не близкий. В восьмой класс он ездил уже на двухцилиндровом «Юпитере» тёмно-синего цвета и это было круто.

Ездили на мотоциклах и другие подростки, но это были либо отцовские мотоциклы, либо маленькие типа «Ковровец», «Восход», «Минск». Для взрослых мотоцикл становился нормой. Многие начинали с тех же самых «Ковровцев» («К-175»). Точно такой был у моего дяди Бориса Павловича.

Это был лёгкий, маленький, слабый мотоцикл, но ездил летом и зимой. Его начали выпускать в Коврове в 1957 году, до этого выпускали одноместный «К-55». Ковровец имел двигатель 8 лошадиных сил, весил всего 105 килограмм и носился со скоростью до 80 километров в час, с двухместным сидением подушечного типа. Выпускался и спортивный его вариант с двигателем объёмом 175 кубических сантиметров и мощностью 14 «лошадей». Но самым деревенским стал мотоцикл «Восход». Практически это тот же «Ковровец», только посовременнее и покрасивее. При том же объёме двигателя он год от года становился мощнее и мощнее и дорос до 15 лошадиных сил, стал побыстрее бегать, и побольше весить – 125 кг.

Солидные мужики приобретали себе и мотоциклы посolidнее, например, «ИЖ–49». Не мотоцикл – зверь!

По сути это был немецкий «ДКВ». Для его создания даже главного конструктора из Германии привезли. С 1951 по 1958 год было выпущено более 507 тысяч штук. Мотоцикл получился отличный. Мощность двигателя 10,5 лошадиных сил, весил 150 килограмм и бегал со скоростью 90 километров в час. Но по нашим деревенским дорогам и просёлкам при всей дури до такой скорости не разгонишься, неприхотливый, удобный, даже звук его работающего двигателя вызывал уважение и напоминал американского «Харлея». Народ считал его самым живучим и надёжным среди мотоциклов.

На смену «ИЖ-49» пришёл «ИЖ-56».

Его начали выпускать в 1956 году. Он был совершенно не похож на своего предшественника, но доступен по цене и имел технические характеристики вполне подходящие для езды по просёлкам. Мощность – 13 лошадиных сил, вес 158 килограмм, скорость свыше 100 километров в час. Красили этот мотоцикл в первые году выпуска в модный светло-зелёный цвет, а вот «ИЖ-49» был в основном чёрного цвета. Вслед за «ИЖ-56» появились «ИЖ Планета» и двухцилиндровый «ИЖ Юпитер». Все эти среднего класса мотоциклы выпускались и с боковыми колясками.

Ездил деревенский люд и на тяжёлых мотоциклах, например на «М-72», который был скопирован с немецкого «БМВ Р71» и выпускался с 1941 по 1960 год.

Сначала это был армейский мотоцикл, и даже была модель с приводом на колесо коляски, но с 1954 года стал продаваться и для граждан. Собирали эти мотоциклы на Ижевском машиностроительном заводе, а потом аналогичную технику стали выпускать на Ирбитском мотоциклетном заводе, где в результате модификаций «М-72» появились марки «М-62», «М-63» и другие, в названиях мотоциклов появилось слово «Урал» и «Ирбит».

Без коляски на таких мотоциклах ездить возбранялось, но милиция рассекала и все восхищались и завидовали. В этом же ряду стоит киевский «Днепр», который тоже вырос из «М-72». Более того, он имел привод на колесо коляски и заднюю скорость, и двигатель не 28, а 32 лошадиные силы. Не мотоцикл, а чудо техники. Кроме названных городов «М-72» выпускался в Ленинграде и Горьком.

Городские парни любили покрасоваться на чехословацких «Явах». Они были одноцилиндровые и двухцилиндровые, с коляской и без коляски. «Ява-360» просто красавец, мечта – не мотоцикл.

Мой брат Анатолий рассекал на таком, пока под грузовик по пьянке не заехал. В Советском Союзе было продано более миллиона таких мотоциклов. А ещё по городам ездили на мотороллерах типа «Вятка» или «Турист». В деревнях они не прокатывали, уж лучше мопед. А вот грузовой вариант мотороллера с кузовом, прозванный «Муравьём», было такое трёхколёсное чудо, использовали для перевозки грузов вполне успешно.

Встречался на сельских дорогах и венгерский мотоцикл «Панонния». Хороший мотоцикл, порождение того же немецкого «ДКВ». Вместо аккумулятора на нём использовалось магнето и он был довольно мощный – до 18 лошадиных сил. Выпускался с 1956 по 1975 год, как с коляской, так и без неё.

Стоили мотоциклы по-разному, в зависимости от модификации, например: «Восход» стоил от 420 до 440 рублей, «Ява» – от 600 до 1100, «ИЖ Планета-3» – 670, «ИЖ Юпитер-3» – 740, а с коляской – 1040, «Урал» –1400, «Днепр» – 1500, мотороллер «Турист» – 450. Деньги по тем временам немалые, но у народа они были, и мотоцикл перестал быть роскошью, а стал повседневной необходимостью. Не списаны мотоциклы со счетов и в настоящее время, то и дело слышится их знакомый треск.

Автомобили

С автомобилями в личном пользовании была совершенно иная история. Их было мало. Отечественный автопром выпускал их ограниченное количество, а приобрести импортный автомобиль было нереально. И вообще до войны в личной собственности автомобилей, кажется, и не было.

Всем известно, что личный автомобиль для советских граждан долгое время оставался роскошью. В 1920-х годах организованный ввоз на территорию СССР автомашин и запасных частей к ним отсутствовал, поэтому отечественный автомобильный парк был очень малочисленным. Из 24 218 автомашин в 1925 году только 5792 являлись легковыми. Лишь благодаря Генри Форду Советский Союз получил патенты и чертежи, необходимые для создания собственного массового машиностроения. Но промышленный потенциал в СССР в 1930-е годы был ориентирован преимущественно на оборонные нужды, и в довоенный период развивался главным образом грузовой транспорт, а не легковой. Автомобиль можно было получить в личную собственность в качестве премии, например, за ударный труд. Именно поэтому машины в те годы несли на себе оттенок не столько богатства, сколько власти и известности. На личном авто ездил Леонид Утёсов, Исаак Дунаевский, Борис Бабочкин, Алексей Стаханов и им подобные знаменитости.

Существовала также возможность получить машину в качестве выигрыша через систему добровольных обществ «Автодор» и «Осоавиахим», вспомните фильм «Золотой телёнок» и другие о советском прошлом. Говорят, что В.В. Путин свой первый автомобиль, «Запорожец» ЗАЗ-966, по прозвищу «Ушастый», тоже выиграл в возрасте 19 лет, будучи студентом, в лотерею ДОСААФ.

До «Ушастого» был «Горбатый» (ЗАЗ-965), это он снимался в фильмах «Два плюс три», «Королева бензоколонки», «Каникулы в Простоквашино».

Добровольное общество «Автодор» было призвано содействовать становлению отечественной автомобильной промышленности, развитию транспорта и улучшению дорог. Сбору средств на постройку и ремонт дорог и должен был способствовать выпуск лотерей. Участие в лотерее в 1930-е годы предоставляло для рядовых граждан практически единственную возможность официально обрести статус автовладельца. Кому выпадало счастье выиграть автомобиль, мог продать лотерейный билет с большой выгодой. Я тоже выиграл мопед «Рига», будучи курсантом рыбинского речного училища, получил деньги более 100 рублей, но «богатством» пришлось поделиться с однокурсниками.

В 1940 году в стране было выпущено всего пять с половиной тысяч легковушек, а в личной собственности, например, в Москве находилось не более 500. С началом войны почти весь личный автотранспорт был изъят на нужды обороны.

С окончанием войны участились случаи обращения в органы ГАИ должностных и граждан с ходатайствами о регистрации автомобилей и мотоциклов, источник приобретения которых они не могли документально подтвердить. Это касалось, прежде всего, районов, освобожденных от немецкой оккупации, где случаи присвоения трофейных автотранспортных средств происходили особенно часто. Сначала их регистрировали, но потом стали попросту изымать. Но народ гонял на них без всякой регистрации, пока не поймают.

После войны в Советский Союз попали оборудование и технологии немецких автопредприятий, что позволило приступить к массовому выпуску легковушек на своей территории.

С мая 1947 года в Москве и Ленинграде была разрешена продажа малолитражных автомобилей «Москвич» в индивидуальном порядке. При этом приоритетное право на покупку рекомендовалось предоставлять служащим науки и искусства, передовым рабочим и инженерно-техническим работникам.

Чуть раньше, в июне 1946 года, с конвейера Горьковского автозавода сошёл автомобиль ГАЗ М-20 «Победа». Бытует молва, что сначала этот автомобиль хотели назвать «Родина». Об успехах создатели машины докладывали Сталину И.В. После доклада Сталин спросил:

– И за сколько же вы собираетесь «Родину» продавать? – После этого вопроса название поменялось на «Победу».

Стоимость машины достигала 16 тысяч рублей. Подавляющему большинству населения страны она была не по карману: среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в целом по народному хозяйству страны составляла в 1945 году 442 рубля, в 1955 году – 711 руб. На «Победах» ездили, например, лётчик Иван Кожедуб и диктор Юрий Левитан, которые зарабатывали побольше, чем простые смертные.

Имели финансовую возможность приобрести «Победу» руководящие работники. В частности, Председателю Совета Министров СССР и Председателю Президиума Верховного Совета СССР устанавливались должностные оклады в размере 10 тысяч рублей, заместителям председателя Совета Министров СССР и секретарям ЦК ВКП(б) – 8. Но казённая машина высокому руководству полагалась по должности. Так, в распоряжении министра юстиции СССР в 1947 году находилось пять служебных автомашин и одна собственная, и та обслуживалась в гараже министерства.

Для простых смертных более реальным было приобретение автомобиля «Москвич», в конце 1940-х годов он обходился своему владельцу всего в 9 тысяч. С 1948 года «Москвичи» и «Победы» можно было приобрести в 12-ти крупнейших областных и республиканских центрах страны, где были магазины по их продаже, это: Москва, Ленинград, Тбилиси, Киев, Минск, Баку, Рига, Алма-Ата, Ташкент, Новосибирск, Свердловск и Хабаровск. В дальнейшем их перечень был несколько расширен.

Работники подразделений БХСС периодически проводили проверки списков лиц, приобретших автомобили. Проверкой контингента автовладельцев в Москве было установлено, что в 1953 году и первом квартале 1954 года машины ЗИМ приобрели: 14 представителей духовенства, 10 писателей, 16 научных работников (в том числе академики, профессора и пр.), 6 военных, 5 артистов, 8 служащих, 1 домохозяйка, 2 шофёра.

В течение первого квартала 1954 года в числе 1169 граждан, купивших «Победу», были: 15 депутатов Верховного Совета СССР, 329 военных, 203 служащих, 138 инженеров, 103 домо-

хозяйки, 69 шофёров, 68 рабочих, 58 преподавателей и медработников, 29 инвалидов и пенсионеров, 22 студента, 64 научных работника, 9 писателей, 23 артиста, 27 художников, 2 священнослужителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.